

**«Выдание о добронравии» — древнерусская переработка
сочинения Яна Жабчыца «Polityka dworskie»
(из истории русско-польских литературных связей XVII в.)**

Когда в 1903 г. А. И. Соболевский опубликовал свой фундаментальный обзор переводных памятников XIV—XVII вв.,¹ оказалось, что значительная часть этого вдохновляющего перечня — переводы с польского, появившиеся в XVII в. Факты, уже известные, в частности, по работам А. Н. Пыпина и И. А. Шляпкина,² теперь были систематизированы и по крайней мере предварительно обработаны, так что получилась внушительная библиографически-фактографическая картина. А. И. Соболевский наглядно, хотя и эскизно, обрисовал размеры и значение переводческой деятельности для древнерусской письменности последних двух столетий ее существования; кроме того, определились роль и место польских текстов. При этом выяснилось (результаты исследования А. И. Соболевского в части, касающейся Польши, изложил в популярной форме, прокомментировал и иногда дополнил А. Брюкнер),³ что среди многочисленных польских памятников — как оригинальных, так и иноязычных в польских версиях, — попавших в XVII в. в русскую среду главным образом благодаря анонимным переводчикам, были не только литературные в собственном смысле слова произведения, но также сочинения научные, исторические, книги по домоводству, земледелию, астрономии, этике, религиозные тексты, справочники, словари и т. д. Наряду с повествовательно-беллетристической прозой особый интерес нового потребителя вызывали труды историков и мемуары, дидактические сочинения, в частности «прикладная этика» в таких текстах, как «Speculum magnum exemplorum», «Апофегмата» Беняша Будного и «Monita politico-moralia» Фредры.

В этой тематической группе нашлось место и для произведений Яна Жабчыца, писателя XVII в., автора стихотворных панегириков и прозанка-моралиста. Два его произведения вызвали живой интерес на Руси: «Czwartak nowy, w którym się wyrażają obyczaje ludziom rozmaitego stanu» (Краков, 1629) и «Polityka dworskie» (Краков, 1616). Их заглавия в рус-

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — СОРЯС, т. LXXIV, № 1, СПб., 1903.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. — Ученые записки Второго отделения Академии наук, кн. 4, СПб., 1858; И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891.

³ A. Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzystu. Szkic literacki. Lwów—Warszawa, 1906, стр. 40—70.

ском переводе переданы следующим образом: «Четвертак старый польский, или Зерцало, в нем же человек может прозреться» и «Выдание о добронравии».⁴

Обе книги представляют собой сборники морально-дидактических сентенций, афоризмов и максим, среди которых встречаются меткие, иногда остроумные бытовые зарисовки; здесь пропагандируются общеизвестные истины и «здоровая житейская философия». Ян Жабчыц, пользовавшийся в XVII в., как свидетельствуют многочисленные перепечатки, переработки и списки его сочинений, а также заимствования из них, большим успехом, опираясь на более ранние тексты этого рода. Не будучи особенно оригинальным, он тем не менее умел придать свежесть ходячим истинам — с помощью введения бытовых реалий, использования доступных и броских форм (стихотворных или ритмизованных афоризмов, эпиграмм, крылатых слов).⁵ Эти особенности писательской манеры Яна Жабчыца и обеспечили ему популярность. И названные книги, и другие его сочинения в глазах читателя примыкали к излюбленной традиции таких жанров, как «адагиум», пословица и поговорка. Автор обильно черпал из сокровищницы устного творчества; в свою очередь он дал материал для собирателей пословиц и составителей словарей.

Оказывается, и в России «прикладная этика» Яна Жабчыца усваивалась аналогичным образом. Большой интерес вызвала его книга «Polityka dworskie», древнерусская версия которой, получившая вполне уместное заглавие «Выдание о добронравии», заслуживает специального внимания историка древнерусской и древнепольской литературы. О популярности книги говорит тот факт, что известно пять ее списков конца XVII—начала XVIII в., отличающихся притом названиями.⁶ Работа исследователя облегчается тем, что «Выдание о добронравии» опубликовано (по одному списку) и проанализировано, хотя бы только в предварительном порядке.⁷ Оказалось, что ритмизованные афоризмы Яна Жабчыца попали между прочим в обширный морально-дидактический сборник, составленный между 1676 и 1695 гг., где они не только соседствуют, но и должным образом соотносятся с такими текстами, как статьи из «Римских деяний», различные притчи и поучения, религиозные и дидактические стихотворения, а также — и это для нас гораздо важнее — с баснями и биографией Эзопа, с оригинальными русскими пословицами, подобранными тщательно и со знанием дела.

Ученые, занимавшиеся сборником (И. Снегирев, Ф. Буслаев, П. Симони), приписывали его составление либо Симеону Полоцкому и Кариону Истомину, либо известному противнику Симеона — чудовскому инокку Евфимию. Вопрос об атрибуции перевода «Polityk dworskich» (автор-компи-

⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 177—178; A. Brückner. O literaturze gosyjskiej..., стр. 65—68, 83; И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962, стр. 45, 365.

⁵ M. Piščzckowski. Pisma Jana Zabczyca. — Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie, dział I, t. V, z. 3, Lwów, 1937, стр. 62 и сл.

⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 178, прим. 1. Один из списков озаглавлен «Перевод с польского письма с печатной тетради, именуемой „Политика дворска“ Яна Заптыцы о добронравии», другой — «Книга, глаголемая обычаев человеческих. Выписано из книги Яна Затина о добронравии человечестем, краткими речениями сладостне и zelo изящно изображено».

⁷ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. I—II. — СОРЯС, т. LXVI, № 7, СПб., 1898, стр. 21—47. Здесь опубликован текст, читающийся в сборнике Московского архива Министерства иностранных дел № 250, по старому каталогу № 455 («Выдание о добронравии» на лл. 314—320).

лятор сборника безусловно пользовался готовым переводом) остается открытым. Не ясны также отношения списков русской версии друг к другу и к польскому оригиналу. Цель предлагаемой статьи — сопоставление анонимного «Выдания о добронравии» с польским текстом; это облегчается тем обстоятельством, что П. Симони дал параллельную публикацию — и русской версии, и краковского издания 1630 г.

Древнерусский текст — не буквальная передача, но переработка оригинала. Первое издание книги Яна Жабчыца 1616 г. (экземпляр Библиотеки Чарторыйских, 38003₁) содержит только 126 афоризмов.⁸ Следовательно, если русский переводчик пользовался им, он перевел почти весь текст с незначительными сокращениями. Кроме того, в ряде случаев он произвел — более или менее удачно — контаминацию некоторых соседних афоризмов; в результате в русской версии их число сократилось до 118. Достаточно свободно обращаясь с оригиналом,⁹ переводчик тем не менее стремится сохранить столь характерную для Жабчыца форму «трехчленной аксиомы», которая складывается из трех особых элементов-посылок и обобщающего вывода — моральной сентенции, или «нравоописательной заметки»; нередко остроумная главная мысль выражается в афористической форме. Однако этот обобщающий вывод, в оригинале закрепляющий трехчленную исходную посылку, в русской версии трактуется как исходный постулат, который иллюстрируется трехчленным определением. Так, афоризму Жабчыца

Pan nie datny Gniewliwy Marny	}	Nie długo sługi zachowa
-------------------------------------	---	-------------------------

соответствует в переводе текст:

Слуга бегает:
от господина немилостиваго, сердитаго и скуднаго (стр. 32—33).¹⁰

Другой пример: у Жабчыца

Z klechy pleban Z chłopa pan Z niedołągi żołnierz	}	Radzi góry wybijają.
---	---	----------------------

в переводе:

Непристойность:
Неученный попом; мужик господином; дурак воином (стр. 24—25).

Стремление сохранить афористическую форму оригинала поставило перед переводчиком трудную задачу. Обычные при всяком переводе затруднения в толковании текста, в передаче иноземных реалий, терминологии и идиоматики усугубляются здесь необходимостью сохранить ритмическую структуру, лаконизм и остроумие. Не раз переводчик был вынужден капитулировать перед трудностями, отказываться от перевода, изменять либо опускать наиболее сложные пассажи (см. польские афоризмы

⁸ Лишь более поздние издания были дополнены и расширены. П. Симони предложил ошибочную классификацию польского текста, искусственно выделив несколько новых афоризмов. На самом же деле тот комплекс, который был в руках русского переводчика, насчитывал всего 126 афоризмов. Для удобства мы, однако, оставляем нумерацию издателя.

⁹ Отметим, например, что в тексте «Выдания о добронравии», опубликованном П. Симони, некоторые фрагменты носят явные следы редактуры, в частности в промежутках между отдельными стихами и на полях. Возможно, это поправки и дополнения составителя сборника (ср. в издании П. Симони: Старинные сборники... стр. 38, 42, 44).

¹⁰ В скобках указаны страницы по изданию П. Симони.

под №№ 3, 36, 40—44, 104, 119); некоторые места он вообще не понял, так что отдельные афоризмы либо изменили смысл, либо вообще его утратили (ср. №№ 9, 20, 26, 27, 65, 68, 72, 78, 83, 84, 91 русской версии). Ошибки заметны и в передаче терминологии и реалий. Например, польское слово «fochu» переведено как «ествы» (№ 9), «gospada» — как «домостроительство» (№ 72), «uroda bez choty» — как «дорожный без искусства» (№ 94), «z czerstwości» — как «от изрядных слов» (№ 69). Следует, однако, подчеркнуть, что в русском тексте для передачи реалий и терминологии почти не используются полонизмы. Выражения типа «боронити» (№ 109), «чинитися» (№ 81), «дгачь» (№ 96), «полевание» (№ 57) для языка той эпохи в разряд полонизмов зачислены быть не могут. К этой стилистической категории следует отнести слова «пивничий» (№ 106, «szafarz»), «належит» (№ 112), «финдриганция» (№ 118), «делен», «дельность» (№№ 5, 37), но их сравнительно немного.

Таким образом, древнерусская версия в основном сохраняет содержательно-тематические моменты афористики Жабчыца; в то же время — и это очень важно — переводчик пытается придать ей национальный колорит. Один из принципов его работы — устранение инонациональных реалий. «Ptusak w gadzie» превращается у него в «дурня» (№ 11), «Łotr masztelelagz» — в «конюха пьяницу» (№ 20); слово «gušnica» передано как «пищаль» (№ 62), «urzędnik» — как «прикащик» (№ 79), «hetman» — как «воевода» (№ 37); выражению «chować żyto na targ do Wisły» в русском тексте соответствует фраза «хлеб осмотрясь перед новым продавай» (№ 88). Лишь один раз переводчик проявляет непоследовательность, говоря о «жителе Речи Посполитой» (№ 53).

Стоит упомянуть также, что он выбрасывает ссылки и намеки на «девушек и женщин» («panien i białogłów»); «dobra myśl bez panien» у него переведено как «беседа без людей» (№ 10), «panna ochędostwem» — как «старик в красном наряде» (№ 12), «białogłowa nabożna» — как «человек молящийся» (№ 90). Афоризм 41—42 оригинала, содержащий не совсем пристойную параллель «białogłowa» — «koń» и проникнутый грубоватым юмором, в переводе вообще искажен. Зато в одном случае переводчик не только сохраняет, но и усиливает аналогичный афоризм, заменяя слово «żak» («школяр») в выражении «żaka do żony nie przutykaj» словом «чернец», который «у мудрой жены честь, у ласковой денег, у глупой что хочет выпросить может» (№ 74).

Главное достижение переводчика в том, что он, несмотря на отмеченные ошибки и трудности, сумел для большинства афоризмов найти или создать русские адекваты, переадресовав текст Жабчыца иной культурной среде, со своими обычаями и нравами. Можно умножить примеры и добросовестного, даже буквального перевода, и оригинальной творческой адаптации, когда, сохраняя основной смысл оригинала, переводчик предлагает иную словесную форму, которая в некоторых случаях создает больший эффект, чем польский текст (см. №№ 23, 24, 27, 35, 58, 62, 66—67, 70, 73, 76, 85, 87, 89, 99, 116 в издании Симони). Приведем для иллюстрации хотя бы два примера (№№ 89 и 99):

Должен всяк быти:

В церкви богобоязлив, в совете мудр, на коне яко воин, в беседе как трезвал дева (стр. 40).

Путь продолжает:

Воз неисправной, возница пьяной, выезд с вечера (стр. 42).

Если учесть различные аспекты работы анонимного переводчика, то общая оценка его труда должна быть положительной. Ценность этого пере-

вода повышается также за счет его стиля — живого, пластичного, образного, отмеченного лапидарностью и чувством меры; это в особенности относится к афоризмам №№ 39, 70, 73, 79, 85, 89, 99. Следует отметить, что язык перевода — разговорный язык той поры, свободный от церковнославянизмов как в лексике, так и в грамматике. А. Брюкнер, который после поверхностного просмотра обратил внимание лишь на ошибки и неточности и объявил перевод убогой карикатурой,¹¹ был совершенно неправ.

По нашему мнению, древнерусская версия книги «*Polityka dworskie*» должна занять достойное место как в изучении литературного языка XVII в., так и в исследовании русско-польских литературных отношений этой эпохи.

¹¹ А. Брюкнер. *O literaturze rosyjskiej*. . . , стр. 68